

УДК 94 (571.1/5)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.13>

Участие военнопленных Первой мировой войны в эмиссионной деятельности сибирских правительств в 1919–1921 гг.

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматривается деятельность Экспедиции заготовления государственных бумаг в Сибири в годы Гражданской войны. История финансовой политики сибирской власти мало исследована в литературе. Еще меньше освещалось участие военнопленных Первой мировой войны в хозяйственной деятельности региона. Сделана попытка на основе нового фактического материала представить участие военнопленных в сибирской эмиссионной деятельности в 1919–1920 гг. Выделено два этапа: омский – с октября 1918 по ноябрь 1919 г., связанный с выпуском «сибирских» денег для правительства Колчака, и иркутский – с эвакуации Экспедиции в Иркутск в ноябре 1919 г., когда ведущей задачей стал выпуск бумажных денег для нужд советской власти в Сибири и кредитных билетов для вновь образованной Дальневосточной республики, до ее окончательной ликвидации в мае 1921 г. Основное внимание уделено эмиссионной деятельности Экспедиции в Иркутске, а также той роли, которую сыграли в выполнении государственного заказа по изготовлению денежной наличности военнопленные, занятые на самой сложной и квалифицированной работе.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутск, эмиссионная деятельность, денежные знаки, военнопленные.

Для цитирования: Шахеров В. П. Участие военнопленных Первой мировой войны в эмиссионной деятельности сибирских правительств в 1919–1921 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 31. С. 13–23. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.13>

В отличие от общественно-политической деятельности проблемы финансового и экономического развития Сибири в период революционных событий и Гражданской войны не получили серьезного освещения в исторической литературе. Лишь в последнее время вопросы финансовой политики и денежного обращения на сибирских окраинах были затронуты в исследованиях В. М. Рыноква, М. В. Ходякова, статьях Д. И. Петина, В. П. Шахерова и др. [2; 3; 6; 9; 10]. Следует отметить, что в силу региональных особенностей революционные события в Сибири имели свою специфику и заметно отличались от тех процессов, которые происходили в Центральной России. К тому же по разным причинам в местных архивах сохранилась лишь небольшая часть источников, позволяющая восстановить связь времен и попытаться разобраться в противоречивых явлениях того времени. В результате в изучении экономической политики сменяющих друг друга правительств и реальной повседневной хозяйственной жизни населения края присутству-

ют существенные пробелы и неоднозначные оценки. Так, если об эмиссионной деятельности советской власти и антибольшевистских правительств в Сибири писали исследователи и коллекционеры, то организационная и техническая составляющая производства денег и денежных суррогатов отражена фрагментарно [4, с. 257]. Крайне слабо в историографии затронуты проблемы участия военнопленных Первой мировой войны в хозяйственной деятельности Сибири [1; 7]. В настоящей статье сделана попытка на основе нового фактического материала представить участие военнопленных в эмиссионной деятельности колчаковского правительства, а затем финансовых органов советской власти в 1919–1920 гг.

Как известно, одной из серьезнейших проблем, с которой столкнулась Сибирь в условиях революции и Гражданской войны, стали кризис денежной наличности и девальвация рубля. Пытаясь восполнить нехватку денег в условиях продолжающейся войны, печатный станок включило еще Временное правительство. С началом Гражданской войны в результате отделения сибирских территорий от Центральной России и нарушения транспортного сообщения присылка в Сибирь денежной наличности практически прекратилась. Уже летом 1918 г. явственно обнаружился острый денежный дефицит и начался экстренный поиск путей его устранения. Ситуация осложнялась тем, что присылаемые Петроградом суммы содержали малую долю разменных денежных знаков. Наличности, особенно мелкого номинала, не хватало, что затрудняло повседневные расчеты и приводило к инфляции и появлению различных денежных суррогатов. Иркутским отделением банка для увеличения объема разменных денег были выпущены в обращение купоны серий и облигаций «Займа Свободы» – от мелких купюр до 100 руб. со штемпелями и печатями отдельно¹.

Массовый выпуск местных денежных знаков и бон начался в Сибири, как и на других территориях России, летом 1918 г. Центросибирь, чтобы компенсировать расходы на ведение боевых действий, начала самостоятельно регулировать местное денежное обращение. Массовый выпуск суррогатных денег большевиками привел к тому, что они быстро стали доминирующими в местном денежном обращении, так как денежных знаков дореволюционных образцов было крайне мало. Всего было выпущено новых денег более чем на 6 млн руб. После падения советской власти выпущенные Центросибирью денежные суррогаты продолжили своё хождение, но не смогли разрешить проблему дефицита денежной массы. Чтобы закрыть финансовые бреши бюджета, вновь образованной «омской» власти пришлось запустить печатный станок. По запросу «омского» Министерства финансов о возможности и условиях печатания денег 13 июля 1918 г. был получен положительный ответ из Томска, а 24 августа из Иркутска. Для организации и осуществления новой денежной эмиссии 1 октября 1918 г. при Министерстве финансов в Омске была образована сибирская Экспедиция заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ). Отделение Экспедиции также было открыто

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 154. Оп. 1. Д. 143. Л. 4.

в Иркутске на базе военно-топографического отдела штаба Иркутского военного округа. В небольшой по времени истории ЭЗГБ четко выделяются два этапа: омский – с октября 1918 по ноябрь 1919 г., связанный с выпуском «сибирских» денег для правительства Колчака, и иркутский – от ее эвакуации в Иркутск в ноябре 1919 г., когда ведущей задачей стал выпуск бумажных денег для нужд советской власти в Сибири и кредитных билетов для вновь образованной Дальневосточной республики, до окончательной ликвидации в июне 1921 г.

Омские власти смогли подобрать на должность управляющего новым учреждением опытного и деятельного печатника С. С. Ермолаева, который с 1890-х гг. работал в одной из лучших типографий России – Товариществе скоропечатни А. А. Левенсона в Москве, став со временем ее техническим директором [5, с. 361]. Позднее, говоря о своей квалификации, он отмечал, что 32 года отдал «типо-литографической области», работая «в русских столицах и затем пополнил свои знания в Германии (Лейпциг, Берлин и Дрезден)»¹.

Организация бумажно-денежного производства в Сибири было новым и достаточно сложным делом. Традиционно все основные фабрики Гознака располагались в столицах и Перми. В Омске пришлось столкнуться с отсутствием необходимой материально-технической базы, соответствующей бумага и красок, но особенно осложнял работу дефицит квалифицированных специалистов в сфере печати и цинкографии. Вероятно, поэтому было решено привлечь к столь важной и сложной работе военнопленных Первой мировой войны. Нужны были печатники, цинкографы, хромофотографы, граверы, шлифовщики и другие специалисты. Подбор кадров из военнопленных производил лично управляющий, знавший немецкий язык. Одним из первых в декабре 1918 г. был принят на работу копировщиком немец Э. Райх. В течение 1919 г. в состав Экспедиции были зачислены еще 10 чел. Среди них оказались опытные и искусные специалисты: чех В. В. Видеман, возглавивший отдел цинкографии; художник немец Куно Гоппе; цинкографы-травильщики немцы В. Матие и Г. Барт; хромофотограф австриец С. Сайдль; зав. материальным складом австриец А. Кроб и др.² После переезда в Иркутск в связи с возросшим объемом работ в январе-феврале 1920 г. в состав ЭЗГБ было откомандировано еще 15 военнопленных. Всего в изготовлении денежных знаков было занято 30 иностранных подданных³. Национальный состав иностранных подданных был достаточно пестрым. Больше всего оказалось немцев – 12 человек, далее следовали австрийцы – 9, чехословаки – 3, 2 латыша, по одному венгру, литовцу и эстонцу. Был даже один перс⁴.

В рамках первого этапа деятельности ЭЗГБ были решены многие организационные и технические вопросы, подобраны высокопрофессиональные специалисты. За омский период для нужд белой власти изготовлено около

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 107.

² Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 8. Л. 92об.

³ Там же. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 232–232об.

⁴ Там же.

17 млрд денежных знаков¹. Но осенью 1919 г. ситуация значительно ухудшилась. В связи с наступлением Красной армии в начале ноября началась массовая эвакуация колчаковского правительства, различных учреждений и организаций со всем имуществом, архивами и штатами. Также в спешном порядке всего за день до занятия Омска красными были эвакуированы в Иркутск оборудование и работники ЭЗГБ. Часть сложного типографского имущества не успели вывезти, другая застряла по дороге. Значительные потери обнаружались в личном составе. Осенью 1919 г. в штате ЭЗГБ насчитывалось 224 должности, но только 72 сотрудника согласились на эвакуацию. Пополнять ряды пришлось уже в Иркутске. На 5 января 1920 г. в ней значился 81 специалист, к 1 февраля уже 115 [4, с. 259]. Многие из них, прежде всего военнопленные, остались без всяких сбережений и имущества.

В Иркутске Экспедиция разместилась в трехэтажном каменном здании бывшего казенного спиртоочистительного завода и склада, находящегося на окраине города в Знаменском предместье. Построенное в 1902–1903 гг. по заказу Иркутского управления акцизными сборами для хранения и выпуска водки, оно было технически хорошо оснащено. В нем имелись собственная силовая подстанция, паровые котлы, фильтрационные батареи, цистерны, разливные и укупорочные машинки, фильтры для очистки воды и другое современное оборудование, что позволило достаточно быстро разместить, смонтировать и ввести в строй типографские машины. Работы по монтажу и наладке полиграфического оборудования заняли около двух месяцев. К тому времени радикально изменилась политическая ситуация. В результате восстания Политцентра колчаковская власть была ликвидирована, а с конца января 1920 г. правление перешло в руки Советов.

Восстановление советской власти на освобожденных территориях Сибири привело к очередному кризису денежной наличности. В соответствии с решениями Совнаркома на этих территориях запрещалось хождение всех видов денежных знаков старой власти. Ликвидация колчаковских структур и создание новых органов власти требовали времени, а введение законов РСФСР, в том числе о национализации промышленности и частных банков, при полном прекращении приема платежей сибирских краткосрочных обязательств привело к новой инфляции и падению рынка. В этих условиях вновь пришлось запустить печатный станок, поэтому один из первых указов советской власти от 3 марта 1920 г. о ликвидации всех центральных учреждений «омского» Министерства финансов не затронул ЭЗГБ². Более того, уже в конце февраля 1920 г. заведующий Губфинотделом В. И. Бесенек обратился в Сибревком с инициативой продолжить печатание денежных суррогатов. В распоряжении новой власти оказался остаток бумаги, приготовленной для колчаковских кредиток в 5 и 10 руб., без сетки верхнего рисунка и текста³, Бесенек предложил распечатать эти кредитки с новым рисунком и другими подписями.

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 332. Л. 86об.

² Там же. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

³ Там же. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 227. Л. 9.

Возможности эмиссионной деятельности в Иркутске значительно возросли еще и в связи с тем, что на местной таможне находилось новое американское оборудование и бумага, заказанные омским правительством. Кроме того, в Чите застряли пять вагонов со специальной американской бумагой для печатания денежных знаков и разными материалами, шедших из Владивостока в Омск¹. Таким образом, иркутская фабрика оказалась оснащенной новейшими американскими машинами. Сборка и наладка оборудования производились в январе – марте 1920 г. Параллельно шло печатание денежных знаков на двух старых литографических машинах иркутского военнотопографического отдела и двух таких же старых машинах, доставленных из Омска. К середине 1920 г. в распоряжении ЭЗГБ оказалась солидная материальная база, позволявшая решать значительные государственные задачи. Кроме печатания различной денежной массы для нужд территорий, освобожденных от колчаковщины, иркутской фабрике было поручено произвести две большие эмиссии денежных знаков нового образца для нужд только что образованной Дальневосточной республики. Сначала заказ составил 3 млрд руб., а через несколько месяцев последовало распоряжение на эмиссию еще 5 млрд. Такой большой заказ позволил продлить работу Экспедиции на 1,5 года и потребовал значительных материальных и людских ресурсов.

Как уже отмечалось, заметную часть работников ЭЗГБ составляли эвакуированные из Омска специалисты и военнопленные. Для включения в рабочий процесс прилагались большие усилия по организации их быта и снабжения. Серьезной проблемой стало размещение работников. Экспедиция находилась на окраине города, работы производились в три смены до 24 часов, что в условиях военного положения, которое было установлено в Иркутске, требовало расквартирования сотрудников поблизости от места работ. Ночевать в операционных комнатах, тем более хранилищах, было запрещено, а все свободные помещения были настолько уплотнены, что более селить в них людей было невозможно. Даже управляющий, как и многие служащие, был вынужден снимать комнату в частном доме неподалеку². Частично проблема жилья была решена после передачи ЭЗГБ находящегося напротив двухэтажного каменного здания бывшей учительской семинарии, в которой при Колчаке размещался госпиталь белочехов.

Еще в Омске для работников была организована общая столовая. Ее содержание было определено в августе 1919 г. в 50 тыс. руб. в месяц. Но если в Омске этого было достаточно, то в Иркутске этой суммы явно не хватало из-за дороговизны продуктов³. В начале февраля в столовой отпускалось около 100 обедов и ужинов ежедневно, при этом стоимость одного набора составляла в среднем до 70 руб. в месяц, а общий расход на закупку продуктов доходил до 210 тыс. руб. В целом обеспечение работников Экспедиции продуктами и жалованьем оставляло желать лучшего. Еще в марте 1920 г. они были поставлены на военное довольствие 5-й армии, а учрежде-

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.

² Там же. Д. 108. Л. 10.

³ Там же. Л. 33.

нию была выдана чековая книжка на отпуск продуктов за наличный расчет. Но после выбытия отдела Опродкомармии 5 из Иркутска отпуск продуктов был прекращен¹. Сложно было удержать высококвалифицированных специалистов на низких тарифных ставках печатников, да и деньги в это время значительно обесценились, и их просто не хватало для приобретения одежды и обуви, белья, покупки дров и т. п. Понимая это, администрация неоднократно ставила вопрос о зачислении всех работников Экспедиции как по питанию, так и по вещевому довольствию на красноармейский паек. Особенно тяжелым было положение военнопленных, многие из которых крайне нуждались в самых обычных вещах. Пытаясь уговорить их задержаться с выездом на родину, иркутские власти выяснили, что у большинства просто изнасилась обувь, а заменить ее было нечем. В итоге Губраспред выдал для нужд военнопленных 12 пар обуви².

К осени 1920 г. ситуация с иностранными работниками ЭЗГБ еще более усложнилась. Уже летом этого года, несмотря на противодействия советских властей и сложности с доставкой в Москву, началась массовая отправка военнопленных на родину. Процедура оказалась достаточно сложной, поскольку фактически все пленные были принудительно распределены на разного рода работы. Увольнением пленных занимались местные уездные комитеты по труду, куда военнопленным необходимо было обратиться, чтобы заявить о своём желании вернуться на родину. Только получившие разрешение могли рассчитывать на выдачу проездных документов, а также суточных денег. Этому способствовало и то, что новые власти осенью 1920 г. предписали всем советским учреждениям, предприятиям, хозяйствам и частным лицам немедленно освободить всех работающих у них военнопленных, желающих отправиться на родину. Одновременно было объявлено и о санкциях в отношении «граждан-военнопленных» за уклонение от работ и побег [7, с. 83].

В условиях разрухи и нехватки рабочих рук новые власти поставили эвакуацию пленных на родину в зависимость от хозяйственных нужд региона. На военнопленных была распространена трудовая повинность, от неё освобождались лишь получившие удостоверение о зачислении в очередной эшелон на эвакуацию. С июня 1920 г. началась массовая мобилизация военнопленных на работы. Так, 24 июня из Иркутска было отправлено 600 военнопленных под конвоем на хлебозаготовки на Алтай³. Для формирования подобных команд бывших военнопленных собирали по различным предприятиям и учреждениям. Соответствующий запрос был направлен и в ЭЗГБ. Администрации Экспедиции и финансовым органам губернии приходилось объяснять, что задействованные в изготовлении денежных знаков специалисты не могут быть уволены, так как это приведет к остановке всех крайне важных для молодой республики работ. В связи с распоряжением Сибэвако об эвакуации в первую очередь военнопленных-инвалидов у ЭЗГБ

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 148.

² Там же.

³ Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 8. Л. 90.

уже возникли трудности, так как таковых в ней находилось девять человек, в том числе зав. типографией Р. Тилле, помощник зав. цинкографией В. Матие, литограф П. Лебельдт и др. А вслед за ними предстояла эвакуация остальных.

Начавшаяся эвакуация прежде всего сказалась на техническом персонале, в основном представленном военнопленными, что неминуемо вызывало простаивание оборудования и снижение объемов выпуска денег. Попытки в кратчайшие сроки как-то заменить иностранцев на русских специалистов не увенчались успехом. На запросы руководства финансов губернии отдел полиграфии отвечал, что специалистов в области цинкографии в Иркутской губернии нет, как нет и самих цинкографических заведений, и посоветовал задержать отправку военнопленных, пока они не подготовят себе смену¹. Администрация ЭЗГБ, ссылаясь на срочность заказа, требовала ввести на фабрике жесткие меры и принять специальное постановление о временном закреплении рабочих и служащих на своих местах и отмене для них всяческих мобилизаций. Кроме того, принудительно были переведены два печатника В. Гулиев и А. Корчагин из типографии Макушина, а также литографический переводчик Холкин, который отбывал срок за дезертирство в иркутской тюрьме². Специалистов искали и в других городах Сибири. Так, управление Экспедиции обращалось к своим бывшим работникам по омскому периоду – опытному граверу-травильщику О. Ф. Климонду и его детям Ирине, специалисту по автотипии, и Збигневу, репродуктивному фотографу³. Удалось найти замену художнику. С ноября 1920 г. в Экспедиции начал свою профессиональную деятельность Б. И. Лебединский (1891–1972), ставший позднее известным советским графиком и живописцем, заслуженным деятелем искусств РСФСР⁴.

Губернские финансовые власти, пытаясь на некоторое время задержать отъезд рабочих из числа пленных, апеллировали к их пролетарской сознательности и обещали решить материальные проблемы. «В виду полной невозможности заменить их русскими рабочими, – отмечал зав. финотделом Губисполкома В. И. Литвинов, – за отсутствием таковых в Иркутске, отъезд их неминуемо должен был вызвать остановку работ Экспедиции в то время, как она исполняет боевые задания Народного Комиссариата Финансов по печатанию денежных знаков Дальне-Восточной республики, что привело бы к весьма нежелательным, а может быть и непоправимым последствиям»⁵. 14 сентября он провел встречу с иностранными работниками Экспедиции и клятвенно пообещал принять меры к улучшению продовольственного и вещевого снабжения, а также не позднее чем через месяц отправить их на родину⁶. На этих условиях те не просто согласились продолжить работу, но с

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 225.

² Там же. Л. 226.

³ Там же. Л. 235 об.

⁴ Там же. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 461. Л. 11об.

⁵ Там же. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 234.

⁶ Там же. Л. 229.

некоторым пафосом обещали «напрячь все силы и поднять производительность экспедиции на максимальную высоту, дабы доказать нашу симпатию существующему строю и пролетарской рабочей власти»¹. Следует сказать, что многие военнопленные, сами происходящие из рабочих, с сочувствием относились к идеям советской власти. Так, художник Куно Гоппе по заданию редакции газеты «Власть труда» создал первый в Иркутске графический портрет В. И. Ленина, который и был опубликован к 50-летию со дня рождения вождя. Портрет оказался столь удачным, что был репродуцирован в двух тиражах открыток, которые, кстати, были отпечатаны ЭЗГБ. Сейчас он находится в фондах Иркутского областного художественного музея [8, с. 41–42].

Тем не менее практически все иностранные сотрудники Экспедиции настойчиво требовали отправить их домой. Не дождавшись выполнения обещаний от руководителя финансовой частью губернии, 15 служащих объявили забастовку. Работа фабрики продолжалась, но в сильно ограниченном режиме. Особенно сложной была ситуация в отделе цинкографии, где не на кого было возложить даже обязанности заведующего. В очередном обращении к В. И. Литвинову иностранные рабочие потребовали срочно решить вопрос об их отправке на западную границу². Еще одно письмо было направлено 19 ноября 1920 г., в день, когда истек срок регистрации иностранных подданных на право отъезда на родину и планировалась отправка в Москву последнего эшелона с военнопленными. В нем авторы просили срочно разъяснить перспективы их реэвакуации и выражали опасения, что их опять задержат на неопределенное время³. Власти поспешили их успокоить, заявив, что они будут отправлены в Москву отдельно с основной частью оборудования фабрики. Судьба ЭЗГБ была решена в Москве. Еще 11 августа 1920 г. ее управляющий выехал в Москву для окончательного решения вопроса о дальнейшей деятельности Экспедиции. Пытаясь централизовать эмиссионную политику в стране, Наркомфин РСФСР принял решение закрыть все региональные учреждения, печатавшие советские деньги, в Ростове-на-Дону, Перми, Пензе, Иркутске и Ташкенте.

9 декабря 1920 г. все новые машины и другое оборудование в 23 вагонах были отправлены в Москву в распоряжение Гознака. С этим составом из Иркутска выехало 30 наиболее квалифицированных работников с семьями, в том числе последние рабочие из военнопленных в количестве 17 человек. Во главе этой группы был С. С. Ермолаев, который 20 апреля 1921 г. стал главным техником – управляющим художественно-графическим отделом Управления фабрик заготовления государственных знаков НКФ РСФСР, осенью 1922 г. был назначен заведующим издательской частью Российской академии художественных наук, а в 1928 г. «как исключительный специалист полиграфии» стал членом Декоративного комитета академии, войдя в группу полиграфической промышленности [5, с. 362].

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 114 об.

² Там же. Л. 242.

³ Там же. Л. 284.

После отъезда команды С. С. Ермолаева в Иркутске остались лишь литографические машины, на которых печатались денежные знаки для ДВР, да и то недолго. В начале 1921 г. их передали в Читу в распоряжение Минфина ДВР, что привело к закрытию фабрики. В июне 1921 г. иркутская фабрика была окончательно ликвидирована. В заключение можно привести общие итоги непродолжительной деятельности ЭЗГБ иркутского периода. С февраля 1920 г. по апрель 1921 г. на ней было огрифовано грифом РСФСР около 83,8 млн листов облигаций и купонов к ним американского образца на сумму в 1,15 млрд руб.; грифом Временной земской власти Прибайкалья 3,7 млн листов кредитных билетов в 25 и 100 руб. на сумму 228,5 млн руб.; напечатано более 18 млн экземпляров кредитных билетов ДВР на общую сумму 3,6 млрд руб. Кроме того, по заказам различных учреждений отпечатано более 2,6 млн продовольственных карточек, около 20 тыс. плакатов агитационного характера, 79 500 брошюр, 144 990 портретов вождей пролетариата и 112 795 бланков. Всего фабрикой было выполнено заказов на 16 299 508 руб. 52 коп.¹ Серьезный вклад в выполнение государственного заказа по изготовлению денежной наличности для Сибирского региона и Дальневосточной республики внесли военнопленные, занятые на самой сложной и квалифицированной работе.

Список литературы

1. *Гергилева А. И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск : Изд-во СибГТУ, 2007. 125 с.
2. *Петин Д. И.* Денежное обращение и финансовая политика советской власти в Сибири в 1919–1920 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 44–47.
3. *Петин Д. И.* К вопросу о производстве денежных знаков Дальневосточной республики в Иркутске (июль 1920 г. – март 1921 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 130–137.
4. *Петин Д. И.* «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки...»: Положение экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 256–270.
5. *Петин Д. И.* Сергей Степанович Ермолаев – организатор бумажноденежного производства в Сибири в годы Гражданской войны // Мавродинские чтения 2018 : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения проф. Владимира Васильевича Мавродина / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 360–363.
6. *Рышков В. М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая пол. 1918 – нач. 1920 г.). Новосибирск : Ред.-изд. центр НГУ, 2006. 211 с.
7. *Талатин А. Н.* Военнопленные Первой Мировой войны в Сибири в период Гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 81–83.
8. *Фатьянов А. Д.* Иркутские сокровища. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 160 с.
9. *Ходяков М. В.* Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб. : Питер, 2009. 222 с.
10. *Шахеров В. П.* Регулирование кредитно-банковской системы Иркутской губернии в период политических трансформаций Гражданской войны // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2018. № 1. С. 46–54.

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 11. Л. 162об.

The Participation of Prisoners of War of the First World War in the Issuing Activities of the Siberian Governments in 1919–1921

V. P. Sakherov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the activities of the Expedition of preparation of state papers in Siberia during the Civil war. The history of the financial policy of the Siberian authorities is little studied in the literature. Even less coverage was given to the participation of prisoners of war of the First World War in the economic activities of the region. The article attempts to present the participation of prisoners of war in the Siberian emission activity in 1919–1920 on the basis of new factual material. There are two stages: Omsk from October 1918 to November 1919, associated with the release of “Siberian” money for the Kolchak government, and Irkutsk from its evacuation to Irkutsk in November 1919 until its final liquidation in May 1921, when the main task was the release of paper money for the needs of the Soviet government in Siberia and credit cards for the newly formed Far Eastern Republic. The main attention is paid to the emission activity of the Expedition in Irkutsk, as well as the role played in the implementation of the state order for the production of cash by prisoners of war engaged in the most complex and skilled work.

Keywords. Siberia, Irkutsk, emission activity, banknotes, prisoners of war.

For citation: Sakherov V.P. The Participation of Prisoners of War of the First World War in the Issuing Activities of the Siberian Governments in 1919–1921. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 31, pp. 13-23. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.13> (in Russian)

References

1. Gergileva A.I. *Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na territorii Sibiri* [Prisoners of war of the first world war on the territory of Siberia]. Krasnoyarsk, SibSTU Publ., 2007, 125 p. (in Russian)
2. Petin D. I. Denezhnoe obrashchenie i finansovaya politika sovetskoj vlasti v Sibiri v 1919–1920 gg. [Money circulation and financial policy of the Soviet government in Siberia in 1919–1920]. *Humanities in Siberia*, 2010, no. 2, p. 44-47. (in Russian)
3. Petin D.I. K voprosu o proizvodstve denezhnyh znakov Dalnevostochnoj respubliki v Irkutsk (iyul 1920 g. – mart 1921 g.) [On the issue of the production of banknotes of the Far Eastern Republic in Irkutsk (July 1920 – March 1921)]. *Tomsk State University Bulletin*, 2018, no. 432, pp. 130-137. (in Russian)
4. Petin D.I. “Tolko zhivoe slovo na meste sposobno skoree sdvinut etot vopros s mertvoj tochki...”: Polozhenie ekspedicii zagotovleniya gosudarstvennyh bumag v Irkutsk v nachale 1920 g. [“Only a living word in place can quickly move this issue off the ground...”: Situation of the expedition for the procurement of government securities in Irkutsk in early 1920]. *Recent History of Russia*, 2017, no. 3, pp. 256-270. (in Russian)
5. Petin D.I. Sergej Stepanovich Ermolaev – organizator bumazhnodenezhnogo proizvodstva v Sibiri v gody Grazhdanskoj vojny [Sergey Stepanovich Ermolaev – the organizer of paper money production in Siberia during the Civil War]. *Dvornichenko A.Yu. (ed.). Mavrodinsky Readings 2018: Materials of the All-Russian Scientific Conference*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 360-363. (in Russian)
6. Rynkov V.M. *Finansovaya politika antibol'shevistskih pravitelstv vostoka Rossii (vtoraya pol. 1918 – nach. 1920 g.)* [The financial policy of the anti-Bolshevik governments of eastern Russia (second half of 1918 – early 1920)]. Novosibirsk, NGU center Publ., 2006, 211 p. (in Russian).

7. Talapin A.N. Voennoplennye Pervoj Mirovoj vojny v Sibiri v period Grazhdanskoj vojny i repatriacii [Prisoners of war of the First World War in Siberia during the Civil War and repatriation]. *Bulletin of the Omsk University*, 2013, no 3, pp. 81-83. (in Russian)

8. Fatyanov A.D. *Irkutskie sokrovishcha* [Irkutsk Treasures]. Irkutsk, East-Sib. Prince Publishing House, 1985, 160 p. (in Russian)

9. Hodyakov M.V. *Dengi revolyucii i Grazhdanskoj vojny: denezhnoe obrashchenie v Rossii. 1917–1920 gg.* [Money revolution and civil war: money circulation in Russia. 1917–1920]. St. Petersburg, Peter Publ., 2009. 222 p. (in Russian).

10. Shaherov V.P. Regulirovanie kreditno-bankovskoj sistemy Irkutskoj gubernii v period politicheskikh transformacij grazhdanskoj vojny [Regulation of the credit and banking system of the Irkutsk province during the period of political transformations of the civil war]. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2018, no. 1, pp. 46-54. (in Russian)

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, исторический
факультет
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: wodalis@yandex.ru*

Shaherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia,
Historical Faculty
Irkutsk State University,
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: wodalis@yandex.ru*